

«Тигр, заколотый гусиным пером». Казус западносибирского генерал- губернатора князя П.Д. Горчакова

Анатолий Ремнев

Сибирская часть биографии одного из редких «долгожителей» на генерал-губернаторском посту князя П.Д. Горчакова не отмечена ни громкими победами, ни реформаторскими достижениями. Однако в ней удивительным образом переплелись уникальность и типичность регионального управления, отразились многие существенные черты положения генерал-губернатора в административной структуре Российской империи. Казус князя П.Д. Горчакова, в контексте азиатской «географии власти»,¹ предоставляет замечательную возможность увидеть, как функционировал личный представитель монарха в ситуации сибирского «пограничья», каковы были повседневные имперские практики, столь далекие от правовых норм и регламентированных действий. В данной статье я стремлюсь показать ограниченность институциональной истории генерал-губернаторской власти, попытаюсь выявить круг акторов с которыми высшему административному лицу края приходилось взаимодействовать и конкурировать, выяснить причину, почему ни одному из западносибирских генерал-губернаторов первой половины XIX в. не удалось выстроить надежных отношений с Петербургом и его агентами в регионе? Речь пойдет прежде всего о центральных ведомствах и их сибирских агентах, ревизорах, жандармах и декабристах, присутствие которых создавало ситуацию неустойчивости института генерал-губернаторов в Сибири, в условиях ее превращения в своего рода «внутреннюю окраину» империи. Отсутствие дворянских сословных органов, как это было во внутренних губерниях, или влиятельных купеческих кланов, как это было в XVIII и начале XIX в. в Иркутске, или национальных элит Кавказа или Туркестана, определяло особую ситуацию в Омске, где доминирующую роль играли военные и чиновники, а также внедренные в их среду группы сохранивших родственные и дружеские связи со столичной аристократией политических ссыльных. Переплетение домодерных

1 О понятии «география власти» см.: А. Remnev, "Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power (The Nineteenth and Early Twentieth Centuries)," in Jane Burbank, Mark von Hagen, and Anatoly Remnev, eds., *Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930* (Indiana Univ. Press, 2007), pp. 425–454. Краткий очерк административной политики в отношении Сибири в первой половине XIX в. см.: *Сибирь в составе Российской империи* / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. Гл. 3.

и современных практик в «технологиях» имперской власти, запутанность отношений генерал-губернатора и местных агентов центральных ведомств были той главной причиной, которая сможет придать историческим частностям глубинный смысл, позволит понять, как бюрократизация и правовая институционализация окраинного управления империи приходила в противоречие с персонализированной по своей природе генерал-губернаторской властью, что было характерно для так называемых «присутственных обществ».² А главное, поможет приблизиться к пониманию, почему империя так и не смогла преодолеть этого противоречия?

ЦАРСКОЕ «ALTER EGO», или «ПОЛОЖЕНИЕ ХУЖЕ ГУБЕРНАТОРСКОГО...»

«Власть губернатора вообще растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, – со знанием дела писал А.И. Герцен, – но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири».³ Признавая несомненную справедливость этого наблюдения и чрезвычайный характер власти сибирских генерал-губернаторов, нельзя видеть в них лишь всемогущих «царских сатрапов», чем в известной мере грешила дореволюционная, а в еще большей степени советская историческая литература. Реальное положение генерал-губернатора в системе сибирского управления второй четверти XIX в. трудно для описания и понимания, – региональному главе приходилось действовать в неясно очерченном правовом поле, лавируя между императором, источником его власти и усиливавшими влияние на окраинах министерствами.⁴ Положение осложнялось наличием разного рода вневедомственных акторов, что окончательно запутывало ситуацию, и ставило генерал-губернатора перед трудно решаемой задачей сохранения своей власти.

Ключевым в «треугольнике»: император – министры – генерал-губернатор, разумеется, являлось отношение генерал-губернатора к монарху. Неясность управленческого статуса генерал-губернатора может

2 Баберовски Й. Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 75–76.

3 Герцен А.И. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1975. Т. 4. С. 229.

4 Подробнее об этом см.: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1; Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // *Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.)*. М., 1997. С. 52–66. См. также: Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004.

5 G. L. Yaney, *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905* (Urbana, 1973); Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования самодержца 1812–1858. К типологии основ имперского управления. Хельсинки, 1998. С. 275–277.

быть объяснена самой природой его полномочий, которые были своего рода «делегацией» (поручением) верховной власти, что, скорее, может быть описано, как «институт самодержца» с его «личными агентами»,⁵ нежели рационально организованный механизм взаимодействия главы государства с подчиненными ему сотрудниками. Не случайно, нового генерал-губернатора сам император подробно инструктировал, лично давал наставления, которые в начале XIX в. могли иметь особую юридическую форму «наказа» (нередко, секретного), а генерал-губернаторы на монарших аудиенциях стремились заручиться не просто высочайшей поддержкой, но и получить одобрение программы своих действий. Не случайно, как это было в случае графом М.С. Воронцовым, Николай I называл кавказского наместника своим «*alter ego*».⁶ Д. ЛеДонн, проанализировавший проекты преобразования генерал-губернаторского управления начала XIX в., пришел к выводу, что правительственные реформаторы так и не смогли выйти за пределы московско-имперской, воеводско-наместнической традиции, натолкнувшись на непреодолимое препятствие генетической связи императорской и генерал-губернаторской власти.⁷

После неудачных попыток институционализировать генерал-губернаторское управление в рамках децентрализационных проектов начала XIX в. к концу царствования Александра I, как признавали уже имперские юристы, «от софизма о пресловутом отделении власти управления от власти надзора отказались, и генерал-губернаторы стали открыто признаваться полномочными правителями».⁸ Сверхправовая природа генерал-губернаторской власти, делегированной с высоты престола, отсутствие регулярного и четко отлаженного надзора центра, воспроизводили, по образцу самодержца, своего рода патриархальный, «домашний» вариант управления, где, по определению М.М. Сперанского, самовластие сочеталось с послаблением. Как заметил позднее в это связи министр внутренних дел П.А. Валуев, что он, как министр, действует «*comme le fait un gouvernement régulier*, а наши генерал-губернаторы любят действовать *comme un gouvernement personnel*».⁹ Широко известно выражение М.С. Воронцова: «Если бы здесь было нужно исполнение закона, то государь не меня бы прислал сюда, а свод законов». Генерал-губернаторское уп-

6 Воспоминания М.П. Щербинина // Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 301.

7 J. P. LeDonne, "Frontier Governors General 1772-1825," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 1 (1999), pp. 56-81; 2 (2000), pp. 161-183; 3 (2000), pp. 321-340; idem, "Russian Governors General, 1775-1825: Territorial or Functional Administration?" *Cahiers du Monde russe* 42:1 (2001), pp. 5-30; idem, "Administrative Regionalization in the Russian Empire, 1802-1826," *Cahiers du Monde russe* 43:1 (2002), pp. 5-34. См. также: Долбилов М.Д. Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. М., 2006. Т. 9 (127).

8 Соколов К. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Кн. 7. С. 178.

9 Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1906. Кн. 20. С. 53.

равление оставалось прежде всего личностным, что делало имперскую политику на окраинах многовариантной и непоследовательной. Смена персонажа на генерал-губернаторском посту нередко означала изменение правительственного курса в отношении данной окраины и являлась отражением сложного «расклада» сил в петербургских правительственных и сановных кругах.

Несмотря на наличие особых инструкций, генерал-губернаторская власть в империи так и осталась с неустойчивым статусом и нечетко определенной в круге полномочий, что в случае конфликта, интриг в регионе или в столице, могло ставить генерал-губернатора в весьма уязвимое положение. Тому примеров в сибирской истории, начиная с показательной казни в петровскую эпоху сибирского губернатора М.П. Гагарина, предостаточно.¹⁰ Неопределенность правового положения генерал-губернатора нередко порождала конфликты, когда за личными столкновениями царских сановников могли скрываться системные изменения самой имперской структуры власти. Между тем, на протяжении XIX века статус генерал-губернатора постепенно менялся в сторону его поглощения бюрократической системой «легального управления», очерченной более строгими нормативно-правовыми рамками. В «имперской географии власти» Азиатской России в XIX в. институт генерал-губернаторства рассматривался как временный, имеющий «переходную форму», которая должна обеспечить «путем последовательных преобразований введение окраин в тот устойчивый административный строй, приданный европейским губерниям, который, представляя свободу и развитие в пределах областных интересов, поддерживает объединение действий в руках центральных учреждений».¹¹

В имперских «сценариях власти» генерал-губернаторы разыгрывали роль особо доверенного лица царя, подкрепляя тем самым монархический принцип государства. Эту непосредственную связь с императором они постоянно ощущали и всячески стремились поддерживать, демонстративно отделяя себя от прочих чиновников империи. Поэтому генерал-губернаторы столь ревниво относились к авторитету своей власти, а покушение на нее подавали как угрозу потери верноподданности населения. Особое значение придавалось престижу власти представителя монарха, «внешнему блеску» и личному «обаянию» его персоны. С особой тщательностью генерал-губернаторы заботились об антураже своей власти (дворец, приемы, балы, свита, чиновники для особых поручений,

10 Четверо из семи сибирских генерал-губернаторов второй четверти XIX века вынуждены были оставить свой пост в Сибири не по своей воле, вызвав серьезное недовольство петербургских властей и императора.

11 Журнал Особого совещания по административному переустройству Азиатской России (1882 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284 [Министерство внутренних дел], оп. 60, 1882 г., д. 47, л. 166.

почетный конвой при поездках, продуманный церемониал встреч туземных подданных, приемов иностранных делегаций и т. п.).

Все жалобы на генерал-губернаторов, поступавшие в высшие государственные инстанции, должны были предварительно сообщаться царю, и только он был волен избрать форму проверки их справедливости. При оценке действий сибирских генерал-губернаторов верховная власть нередко колебалась между восстановлением справедливости и сохранением их авторитета в глазах подданных. Однако усиление контроля центра путем сенаторских и министерских ревизий, либо организации независимого от генерал-губернатора жандармского надзора грозили подорвать авторитет высшей региональной власти и отрицательно сказаться на имидже самого монарха. Показательно, что именно на такой трактовке своего положения в регионе настаивали сами региональные начальники. Восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев (будущий граф Амурский) откровенно разъяснял в письме 1 сентября 1856 г. военному министру Н.О. Сухозанету: «Особенное доверие Государя к генерал-губернатору Восточной Сибири необходимо и потому, что его нельзя обличить теми званиями, коих требует важность этого места; но звания эти ограждают от ответственности перед законом, следственно генерал-губернатор Восточной Сибири, не имеющий этого ограждения, должен, по крайней мере, быть убежден, что Государь его не обвинит и не предаст суду законов».¹²

В таких условиях для генерал-губернаторов важно было сохранить личное главенство в регионе, выстроить формальную и неформальную структуру власти, добиться устойчивого положения в столице империи, что было всегда нелегкой, но чрезвычайно значимой задачей. Из Петербурга исходила главная угроза, которая могла в ситуации правовой аморфности генерал-губернаторской власти привести к отставке за превышение власти или за нерешительность в ее применении. Генерал-губернаторы должны были постоянно заботиться о поддержании монаршего доверия к себе, опасаясь быть отодвинутыми конкурентами. Главными среди них были министры, которые стремились провести на губернаторские посты своих ставленников или поставить региональных администраторов в большую зависимость от указаний центра. Ревизии, тайный надзор жандармов, а то и просто доносы в такой ситуации были реальной угрозой, с которой генерал-губернаторы должны были считаться и находить эффективное противодействие. Они должны были внимательно следить за столичными делами, подолгу задерживаться в Петербурге, нуждались в союзниках в лице министров (это необязательно мог быть военный министр, с которым генерал-губернатор как командующий войсками, казалось, был теснее всего связан), членов императорской семьи, а то и просто влиятельных фигур при царском дворе. Эти контакты и союзы носили

12 Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. 1. С. 472.

неформальный характер, были покрыты завесой тайны, что создает дополнительные трудности в постижении логики действий генерал-губернатора в высших петербургских сферах.

Исходя из чувства самосохранения, генерал-губернатор старался иметь могущественных покровителей в столице, стремился окружить себя на месте верными людьми, подавить всяческую оппозицию, и строго следил, чтобы неконтролируемая информация не смогла просочиться наверх. Зачастую не имевшие опыта гражданского управления, как правило, незнакомые с сибирскими условиями, постоянно опасаясь чиновных и купеческих интриг, генерал-губернаторы при отсутствии надежных покровителей в столице и в самой Сибири, могли превратиться в простое орудие в руках сибирской бюрократии. Промахи в управлении и завистливые происки врагов компрометировали главного начальника края в глазах верховной власти. Поэтому, чтобы удержаться на своем посту, генерал-губернатору приходилось вести постоянную борьбу с настоящей или мнимой оппозицией, подавлять всяческое недовольство и лавировать между различными группировками в сибирском обществе. Даже ссыльные декабристы, оказавшись в Сибири, но, сохранив связи с могущественными родственниками и друзьями в Петербурге и Москве, имели шанс повлиять на карьеру генерал-губернатора.

«ОМСКИЙ ПАША» И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ВЕДОМСТВА

В полной мере ощутил на себе тяжесть бремени генерал-губернаторской власти князь Петр Дмитриевич Горчаков (1789–1868), пробывший на этом посту в Западной Сибири рекордное для края время – 14 лет (1836–1850 гг.) и заслуживший прозвище «омского паша» (выражение декабриста А.Ф. Бригена). Родовитый потомок Рюриковичей, имевший прочные столичные связи,¹³ Горчаков свою карьеру, как многие в его время, сделал на Кавказе.¹⁴ А.П. Ермолов характеризовал его в то время, как «офицера храброго, расторопного и хороших способностей».¹⁵ Кавказский боевой и административный опыт в николаевское время ценился особо, и получавшие назначение на другие имперские окраины, несомненно, переносили его туда, адаптируя к местным условиям.

28 января 1836 г. П.Д. Горчаков занял пост западносибирского генерал-губернатора. Посетившему в 1837 г. Тобольскую губернию наследнику престола, будущему императору Александру II, Горчаков

13 Его родной брат М.Д. Горчаков пользовался большим влиянием в военных кругах, в Крымскую войну был главнокомандующим, а позднее занял пост наместника в Царстве Польском.

14 *Е[льницкий] А. П. Д. Горчаков // Русский биографический словарь. (Гоголь-Гюне). М., 1997. С. 357–358; Ремнев А. В. Горчаков Петр Дмитриевич // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7 (Гермафродит – Григорьев). С. 496.*

15 *Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 357.*

показался человеком с «благородной душой, который с ревностью принял за дело».¹⁶ Уже тогда, вспоминал сибирский историк и публицист В.И. Вагин, новый генерал-губернатор «начинал быть грозным» и вгонял в трепет местных чиновников.¹⁷ Один из современников так описывал свои впечатления от знакомства с главным начальником края: «Тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков во всех своих наружных проявлениях разыгрывал царька, силясь подражать Государю Николаю Павловичу» и всем чиновникам говорил «ты».¹⁸ Это, по впечатлениям другого современника, был «вельможа-громовержец, имевший большие полномочия в отношении управления краем и применявший их энергично». Однако как большой вельможа, «особого рвения к занятиям по службе не прилагал, собственной инициативой не отличался и вообще был к делам апатичен и ленив».¹⁹

Судя по всему, к Сибири Горчаков относился лишь как к удобному для размещения ссыльных региону, иначе говоря, смотрел на нее, по словам известного сибирского областника Г.Н. Потанина, как на большую российскую тюрьму. Так, по поводу побега какого-то арестанта, он не без остроумия заметил: «Разве в том большая беда, что человек из маленькой тюрьмы бежал в большую?»²⁰ и настаивал на том, чтобы «сделать Сибирь чувствительною для простолюдинов».²¹ Не останавливался Горчаков и перед защитой пыток, вплоть до возможности морить ссыльного во время следствия голодом.²² Прерогатива судить по военно-полевым законам с вынесением смертных приговоров были закреплены секретной инструкцией, которая вручалась от имени императора сибирским генерал-губернаторам при назначении на должность. У Горчакова существовало своего рода фобия, что сибиряки не питают большой привязанности к России. «Но что будет, – нагнетал страсти Горчаков, – если народонаселение сблизится с англичанами и американцами, которые примут на себя легкий труд получать от них то, что поныне доставлялось из России, и что в случае нужды они поддержат эту сделку оружием».²³

16 Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М., 1999. С. 54.

17 Вагин В.И. Мои воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX век / Сост. Н.П. Матханова. Новосибирск, 2003. С. 51.

18 Струве Б. Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4. С. 157–158.

19 Мартынов П.К. В переломе века (Отрывки из старой записной книжки) // Исторический вестник. 1895. Т. 62. С. 436.

20 Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 111.

21 РГИА, ф. 1265 [III Сибирский комитет], оп. 1, д. 188, л. 13.

22 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 883 [П.Д. Эллидов], т. 1, л. 84.

23 Цит. по: Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). Иркутск, 1958. С. 60. Подробнее см.: Ремнев А.В. Призрак сепаратизма // Родина. М., 2000. № 5. С. 10–17.

Между тем, период генерал-губернаторства князя Горчакова отмечен многими важными событиями, в которых он был призван принимать самое непосредственное участие. Это было беспокойное время, когда в край зачастили ревизоры. Западная Сибирь оказалась в сфере «большой политики» в связи с реформой государственной деревни, попытками упорядочить политическую и уголовную ссылку, активизацией имперской экспансии в Казахскую степь и Среднюю Азию. При нем в Омск окончательно переместилось Главное управление Западной Сибири, и город официально стал столицей огромного края, включившего не только западносибирские губернии, но и степные казахские области. Посетившему в 1842 г. Омск путешественнику И. Белову город представился «постоянно укрепленным лагерем Сибири, или поселением; ибо жителей здесь, кроме военных и служащих по другим ведомствам, иных, почти незаметно».²⁴ Проезжавший через Омск зимой 1848 г. Б. Струве в свою очередь вспоминал, что это был неприветливый город, «созданный князем Горчаковым единственно в видах военно-административных, близ границы Большой Орды, по которой кочевали непокорные тогда еще и беспокойные Киргизы, Чингиз-Хановы потомки».²⁵ Геополитический смысл в этом, разумеется, имелся, на что указывал еще 1820-х гг. первый западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич. Столица Западной Сибири переместилась ближе к границе Степи, где теперь лежали стратегические интересы Российской империи.²⁶

Генерал-губернаторскую должность П.Д. Горчаков явно воспринимал как достойное приложение к своему княжескому титулу и старался придать Омску хоть какую-то видимость региональной столицы. Вокруг генерал-губернатора складывался свой «омский свет», устраивались торжественные приемы иностранных гостей и высших российских сановников, праздничные обеды, парады. В Омске, вспоминал Г.Н. Потанин, «было веселее, чем в каком-нибудь другом губернском городе; здесь бывали концерты, спектакли, балы и фейерверки». Сам Горчаков держал себя высокомерно, старался казаться недоступным аристократом, основные усилия тратил на то, чтобы укрепить своей генерал-губернаторский авторитет, безжалостно преследуя за проступки чиновников по военной и гражданской службе, добиваясь удаления непокорных губернаторов. Как отмечал жандармский подполковник Черкасов 5-ый, губернаторская власть в Тобольской губернии была поглощена окружающими генерал-губернатора лицами. В таких условиях губернатор, писал он, «есть только страдательное лицо, не имеющее и тени власти, определенной «Сибирс-

24 Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. С. 13.

25 Струве. Воспоминания о Сибири. С. 158.

26 Подробнее см.: Безвизонная Л.В. Геополитическое пространство Степного края: Омская область и проблема границы в государственном строительстве Российской империи (20–30-е гг. XIX в.) // *Ab Imperio*. 2003. № 1.

ким учреждением». Ни один чиновник в губернии не представляет столь разительной противоположности, с одной стороны, по безусловной зависимости, а с другой – по примерной холодности подчиненных мест и лиц, часто переходящей в неповиновение, а потому этот пост сделался столь сомнительным, что в течение последнего двадцатилетия здесь было 9-ть гражданских губернаторов, из коих большая часть сделались или жертвою интриг, или собственной неосторожности с весьма неприятными для них последствиями». ²⁷ На плачевное состояние управления Тобольской губернией из-за частой смены губернаторов указывал в 1840 г. и начальник Сибирского округа корпуса жандармов генерал-майор Н.Я. Фалькенберг. ²⁸

Вверяя Горчакову управление Западной Сибири, Николай I предупреждал его, что в «столь отдаленном крае» он найдет много «беспорядка и злоупотребления». И генерал-губернатор принялся их искоренять как мог, окружив себя чиновниками для особых поручений, прозванных в Омске «бульдогами», которые беспощадно карали всех замеченных в злоупотреблениях и нарушениях правил службы, совершенно не заботясь о правовой стороне дела. Как это часто случалось с сибирскими генерал-губернаторами, у Горчакова появились свои любимцы среди чиновников, в их числе называли штаб-офицера А.А. Мартена, которого «боялись не только в Омске, но и на далеких окраинах Сибири; говорили, что он бессердечен по принципу, а зол по природе». ²⁹

Так, генерал-губернатор посчитал «сословие казачьих офицеров особенно испорченным, и принялся исправлять его, налагая беспощадные кары на провинившихся». Выходец из казачьей среды, сам несколько лет прослуживший в Сибирском казачьем войске, Г.Н. Потанин вспоминал, что от генерал-губернаторского произвола пострадал его отец есаул Н.И. Потанин. Потанина-старшего не спасло даже столь испытанное сибирское средство, как взятка, и он только бесполезно распродал свои многочисленные табуны и разорился. ³⁰ Впоследствии в статье «К характеристике Сибири», опубликованной в «Колоколе» в 1860 г., Г.Н. Потанин писал, что Горчаков «окружил себя бездельниками, которые бичевали страну доносами и шпионством. Бесчисленное множество чиновников было разжаловано или разорено за взятки и казнокрадство, а ни то, ни другое не уничтожилось. Доносчики и шпионы были первыми взяточниками и казнокрадами». ³¹ Эту оценку разделял и декабрист В.И. Штейнгейль, ко-

27 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109 [III Отделение Собственной его имперского величества канцелярии], I эксп., оп. 10, 1835 г., д. 186, л. 43–44.

28 ГАРФ, ф. 109, I эксп., оп. 15, 1840 г., д. 198, л. 7.

29 *Мартынов*. В переломе века. С. 439.

30 *Потанин*. Воспоминания. С. 26, 29.

31 Колокол. М., 1962. Вып. III. С. 604.

торый в 1843 г. жаловался начальнику корпуса жандармов Л.В. Дубельту, что при Горчакове установился «самый низкий и гнусный сикофантизм, питаемый и покровительствуемый в Омске».³²

Отправляясь в Сибирь, П.Д. Горчаков добился права в особо важных случаях обращаться напрямую к императору, помимо министерств. С особым рвением он отстаивал управленческую обособленность Сибири, настаивал на пересмотре «Сибирского учреждения» 1822 года и требовал расширения генерал-губернаторских полномочий. В противном случае, заявлял он, в крае «возродится беспорядок и безначалие».³³ В письме к министру внутренних дел 15 июня 1839 г. Горчаков демонстративно напоминал, что сибирские губернии «не могут быть совершенно подведены под общие правила» и «надлежит действовать с крайней осмотрительностью, дабы частным усовершенствованием не исказить целого, в состав ко-его входят другие отрасли государственного управления в размере почти равном Министерству внутренних дел».³⁴ Главной особенностью Сибири, доказывал он, является местная централизация надзора в Главном управлении под непосредственным руководством генерал-губернатора. Наличие совета Главного управления было основной особенностью управления Сибири, введенной М.М. Сперанским, однако независимого положения это учреждения приобрести не смогло, и оказалось фактически в подчиненном положении у генерал-губернатора и его личной канцелярии. Ослаблять генерал-губернаторскую власть в Сибири, за тысячи верст от столицы, настаивал Горчаков, «невозможно без ущерба для службы, потому что в Тобольске и Томске ни достаточного наблюдения, ни своевременных разрешений от Министерств ожидать нельзя». Генерал-губернатор ревниво следил за тем, чтобы губернские учреждения поддерживали отношения с центральными ведомствами только через Главное управление, или ставя в известность генерал-губернаторскую канцелярию. До нас дошло весьма резкое по тону письмо, в котором Горчаков, не стесняясь в выражениях, напоминал министру внутренних дел графу А.Г. Строганову, «что вы ни мне, ни моим предместникам не начальник и не судья, что нет закона, подчиняющего генерал-губернаторов вашему сиятельству», что генерал-губернатор зависит, как и министры, только от Сената, что он и чином выше Строганова, «а потому покорнейше прошу вас милостивый государь, на будущее время предоставить суждение о моей службе Его императорскому величеству».³⁵ Обиженный Строганов

32 Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. С. 245.

33 П.Д. Горчаков – А.Х. Бенкендорфу, 27 декабря 1836 г. // ГАРФ, ф. 109, I-эксп., 1836 г., оп. 11, д. 285, л. 4–5.

34 ГАОО (Государственный архив Омской области), ф. 3 [Главное управление Западной Сибири], оп. 2, д. 1805, л. 149–150, 205.

35 Цит. по: Соколовский М.К. К характеристике императора Николая Павловича // Исторический вестник. 1908. Т. 113. С. 550–551.

пожаловался на строптивного генерал-губернатора Николаю I, и по этому поводу последовал даже высочайший выговор. Конечно, Горчаков был человеком «чрезвычайно вспыльчивого нрава»³⁶ и не сдержал своего раздражения по поводу замечания министра, но этот персональный случай был лишь проявлением заложенных в системе государственного управления противоречий отраслевого и территориального принципов, централизации и децентрализации власти.

Столкнувшись с противодействием центральных ведомств, прежде всего Министерства финансов, от которого зависели не только денежные ресурсы края, но и управление Алтайскими горными заводами, Горчаков стремился и здесь удержать все нити управления в своих руках. Недовольный независимым положением горных чиновников и назначаемого из их среды, по представлению Кабинета Его Императорского Величества и Министерства финансов, томского губернатора, он резко высказался против административной обособленности Алтайского горного округа. Князь в течение нескольких лет конфликтовал с томским губернатором, сначала Н.А. Шленевым, а затем Ф.Ф. Бегером. Во всеподданнейшем донесении 5 октября 1837 г. он прямо заявил, что потерял «всякую надежду водворить порядок в Томской губернии»,³⁷ утверждая даже, что томский губернатор вышел из подчинения главному местному начальству Западной Сибири, заручившись поддержкой министра финансов Е.Ф. Канкрин. В Алтайском горном управлении он обнаружил «тайные связи» чиновников с золотопромышленниками, о чем с настойчивым постоянством доносил в Петербург. В своем докладе Николаю I Горчаков попытался нагнать на императора страху, утверждая, что притеснения золотопромышленников и потворство местному горному начальству со стороны Н.А. Шленева истощит терпение рабочих и приведет к серьезным беспорядкам.³⁸ В противном случае, не преминул он лишний раз заметить, «тайные связи по золотопромышленности и существующие козни, всегдашняя язва Сибири, не прекратятся; наипаче последние, когда министром финансов допускаются мимо меня прямые с собой сношения, по делам Высочайшей волей подлежащим рассмотрению Главного управления».³⁹

Так же Горчаков потребовал непосредственно подчинить Главному управлению Западной Сибири дорожное и строительное дело. Иначе, предупреждал генерал-губернатор, чиновники, оставленные вне местного высшего надзора, могут вовлечь столичное Главное управление путей сообщения и публичных зданий «в заблуждение, сокрытием об-

36 Записки Иосифа Петровича Дубецкого // Русская старина. 1895. № 6. С. 138.

37 РГИА, ф. 1409 [I Отделение Собственной его императорского величества канцелярии], оп. 2, д. 6166, л. 1.

38 Там же, л. 2.

39 ГАРФ, ф. 109, I эксп., оп. 11, 1836 г., д. 285, л. 7.

стоятельств, коих дознание в Санкт-Петербурге самой бдительнейшей и строгой поверке недоступно».⁴⁰

Недоволен Горчаков был и относительно независимым положением прокуратуры в крае. Прокурорский надзор, доказывал он, должен входить в общую административную систему и служить вспомогательным орудием для главного сибирского начальства. В 1842 г. генерал-губернатор обратился к министру юстиции В.Н. Панину с просьбой уволить томского стряпчего. Панин согласился, но кандидатуру на освобождавшееся место стал подыскивать через томского губернатора. Это вызвало очередной взрыв негодования Горчакова. В результате разбираться пришлось уже Комитету министров. Комитет встал на сторону своего члена, заявив, что министр руководствовался в данном случае лишь интересами службы. К тому же, полагали в Комитете министров, министры имеют право обращаться напрямую к губернаторам для получения различных сведений, в противном случае всякое посредничество между ними будет только умножать бесполезную переписку. При этом Горчакову было сделано замечание в употреблении в отношении министра выражений, «несоответствующих порядку службы». Николай I также нашел замечания Комитета министров справедливыми. Но в итоге, после некоторых препирательств Горчакова с Комитетом министров, император пошел на уступку, повелев «впредь избегать подобных недоразумений, сносясь предварительно с генерал-губернаторами».⁴¹ В письме министру юстиции 27 декабря 1843 г. Горчаков торжественно извещал, что приказал прокурорам сообщать ему обо всех министерских предписаниях, в том числе и секретных, не преминув подчеркнуть, что генерал-губернатор является главным лицом в крае, от которого не может быть каких-либо тайн.

Важной прерогативой генерал-губернатора являлась возможность влиять на назначение сибирских чиновников. Закон наделял генерал-губернатора правом назначать и увольнять чиновников до VI класса по «Табели о рангах» включительно. Однако генерал-губернаторы были недовольны тем, что их власть не распространяется на всех местных чиновников. Горчаков настаивал на таком праве, иначе при отдаленности Сибири от Санкт-Петербурга, заявлял он, это породит «неминуемую медленность в замещении вакансий и самом делопроизводстве».⁴² Во многом благодаря его настойчивости в кадровом вопросе в 1842 г. был принят закон о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях империи.

40 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 2433, л. 34.

41 Цит. по: *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. II. Ч. I. С. 124–125.

42 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 2338, л. 17.

Горчаков не обладал смелостью реформатора и зачастую, наоборот, старался свести на нет многие преобразовательные планы, разрабатываемые в центре. Свое кредо он изложил в одном из писем к министру юстиции: «Я той мысли, что всякое нововведение в образе управления должно быть основано на крайней необходимости, т. е. ощутительном недостатке прежнего учреждения, дознанным местным опытом и подтвержденном примерами и фактами, а не одними умственными соображениями или с тем, чтобы подвести под единообразие то, чему, при отдаленности Сибири, противится вся система ее управления, повелительно требующая централизации местной и таковой же власти надзора и исправления, которых ожидать из Петербурга невозможно без очевидного неудобства».⁴³

Настороженно отнесся Горчаков к перспективе распространения на Сибирь реформы государственной деревни, проводимой министром государственных имуществ графом П.Д. Киселевым. Отправленная в Западную Сибирь ревизионная комиссия Министерства государственных имуществ натолкнулась на откровенный саботаж местных чиновников, за которыми стоял сам Горчаков. Не успела комиссия прибыть к месту назначения, как в Петербург полетела депеша от генерал-губернатора, который поспешил объявить, что комиссия в принципе не в состоянии выполнить поставленные перед ней задачи.⁴⁴ В ход было пущено даже запугивание крестьянскими волнениями, которым, уверял западно-сибирский генерал-губернатор, местная администрация не сможет противодействовать. В ответ П.Д. Киселев откровенно указал на корыстные интересы сибирской администрации: «При укоренившемся там издавна порядке управления постороннее вмешательство пугает все власти; для них не только страшно лишиться выгод, с которыми они свыклись, но самое ожидание перемены, препятствуя обычному ходу дел и спекуляций, возбуждает опасение и тревогу».⁴⁵

Особое беспокойство имперским властям доставляла многолетняя борьба с Кенесары (Кенисары) Касымовым, этим, по определению П.П. Семенова-Тян-Шанского, «отважным Митридатом Киргизской степи».⁴⁶ Горчаков с самого начала движения Кенесары занял непримиримую позицию по отношению к нему. Он ревниво следил за действиями оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского, склонного к умиротворению мятежного султана. Это привело к открытому столкновению двух генерал-губернаторов. По накалу обвинений переписку между ними современники сравнивали с известными письмами царя Ивана Грозного и князя Курбского. Вслед за своим начальством в эту ведомс-

43 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 1965, л. 76.

44 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 1927, л. 4.

45 *Заблоцкий-Десятковский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 2. С. 160.

46 О восстании подробнее см.: Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. Алматы, 1996.

твенную перебранку были втянуты и местные чиновники, дело доходило до доносов не много ни мало, как в государственной измене.⁴⁷ Только с назначением в Оренбург нового генерал-губернатора В.А. Обручева, Горчакову удалось найти общий язык в вопросе о согласованных действиях против Кенесары.

И это далеко не полный перечень акторов, с которыми генерал-губернатору приходилось сталкиваться и конкурировать в Западной Сибири, опасаясь навлечь неудовольствие их начальства и покровителей в Петербурге.

ГОРЧАКОВ И ДЕКАБРИСТЫ: ДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ

Существенной проблемой управления азиатскими окраинами были не только скудость финансов и других материальных средств, но явный недостаток подготовленных кадров, а то и просто образованных людей. Одна из современниц описываемого времени М.Д. Францева вспоминала, что «в начале своего управления Горчаков держался твердых и честных правил» и окружил себя хорошими помощниками. Не чуждался он общения и со ссыльными декабристами, а в 1838 г. даже испросил разрешение перевести декабриста С.М. Семенова в Главное управление, назначил его начальником 2-го отделения и, кроме того, дал ему весьма деликатное поручение – расследовать дела, решенные И.Д. Талызиным, когда тот занимал пост омского областного начальника.⁴⁸ Сотрудничество начальника края с декабристами, несомненно, было опасным и могло бросить тень на его политическую репутацию. Обиженный генерал-губернатором Талызин не преминул донести в III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии (далее, III Отделение), что Горчаков попал под влияние государственных преступников. Конечно, о каком-либо значительном воздействии декабристов на генерал-губернатора вряд ли можно говорить, но, в то же время, нельзя не заметить, что в начале своего управления Горчаков, нуждаясь в опытных и знающих Сибирь людях, ежедневно советовался с Семеновым по делам Главного управления. Бывая в Тобольске, он запросто заезжал к своим родственникам Фонвизинным, не отказывал он декабристам и в их житейских просьбах.

Со временем, однако, отношение Горчакова к декабристам резко изменилось. И на то было несколько причин. Генерал-губернатор начал опасаться, что сближение с государственными преступниками может повредить его репутации в глазах высшего начальства.⁴⁹ Уже в июле 1840 г.

47 *Серда Н.* Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1837–1847 гг.) // Вестник Европы. 1870. № 8. С. 568.

48 Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 217.

49 В другой части Сибири, в Иркутске, под такое подозрение в разное время уже попадали местные генерал-губернаторы.

М.А. Фонвизин пишет И.Д. Якушкину, что Горчаков готов покровительствовать декабристам, но боится, что это может не понравиться в Петербурге. Весной следующего года С.М. Семенов говорил своим товарищам, что «князь от него таится». Окончательно испугало генерал-губернатора «дело» декабриста М.С. Лунина, несмотря на то, что это событие произошло в Восточной Сибири.⁵⁰ Уже в июле 1841 г. в письме к тому же Якушкину Фонвизин прямо заявлял, что Горчаков трус и «боится навлечь на себя подозрение в благорасположении к нам, в чем его уже упрекали».⁵¹ Насторожило генерал-губернатора и то, что В.И. Штейнгейль сблизился с тобольским губернатором М.В. Ладыженским, помогал последнему в составлении некоторых документов, в том числе «прокламации», призывавшей крестьян к спокойствию во время «беспорядков» 1843 года в Курганском округе. В результате Штейнгейль был выслан из Тобольска в Тару, а к графу А.Х. Бенкендорфу в III Отделение последовал донос Горчакова. В нем генерал-губернатор сообщал, что предупреждал Ладыженского, «сколь неуместен ему такой руководитель», но тот не только не принял совет во внимание, но даже учредил в Тобольске особую тайную канцелярию «для удобнейшей только там переписке бумаг, секретным образом составленных Штейнгейлем».⁵² Заподозрив Ладыженского в политической неблагонадежности, Горчаков поспешил от него в 1844 г. избавиться.⁵³ В ответ же на просьбу Штейнгейля о переезде из Тары в Тюмень Горчаков в январе 1845 г. написал новому шефу жандармов графу А.Ф. Орлову, что там Штейнгейль «приобрел бы возможность свободного сообщения со всею Россиею – и обширное поле к козням, коими он в продолжение всей своей жизни отличался».⁵⁴

Еще более показательны для характеристики взаимоотношений генерал-губернатора и декабристов гонения, которым подвергся А.Ф. Бриген только за то, что, будучи заседателем курганского окружного суда, вступился за крестьянина Власова, бездоказательно обвиненного в убийстве. Примечательно, что незадолго до этого Горчаков осыпал Бригена похвалами. Особенно обозлило генерал-губернатора попавшее ему в руки письмо Бригена с нелестными оценками по его собственному адресу, а также то, что декабрист осмелился жаловаться на произвол сибирских властей начальнику корпуса жандармов Л.В. Дубельту. Затем последовали генерал-губернаторские доносы в Петербург и на других декабристов.

50 О «деле» М.С. Лунина см.: *Окунь С.Б.* Декабрист М.С. Лунин. Л., 1985. С. 242, 251–252; *Эйдельман Н.Я.* Лунин. М., 1970. С. 296–297; *Сафонов М.М.* Неизвестный Лунин. Иркутск, 1993. С. 18, 31–32, 39–42.

51 *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 181, 215.

52 *Штейнгейль.* Сочинения и письма. С. 522.

53 *Мамсик Т.С.* Сибирская администрация и крестьянское движение 1840-х годов («Предписание» М.В. Ладыженского исправникам) // *Политика самодержавия в Сибири XIX–начала XX в.* Иркутск, 1988.

54 *Штейнгейль.* Сочинения и письма. С. 523.

В январе 1851 г. Бриген сообщил Е.П. Оболенскому, что «его сиятельство крайне раздражен против всех наших тобольских и в особенности Фонвизина и что он на них написал какую-то клевету в Петербург».⁵⁵

М.Д. Францева, ссылаясь на некое письмо из Омска, описывала панический ужас, охвативший Горчакова из-за небольшой оплошности при этапировании ссыльных петрашевцев: «Здесь пресмешная комедия была. Князь, получивший в первый раз предписание о присылке в Сибирь этих несчастных, распорядился тотчас же о развозе их по назначенным местам тоже на почтовых, как они прибыли из Петербурга; на другой день приходит к князю начальник штаба и уверяет, что их следовало отправить по этапам пешком, а не по почте и что за это князь может получить неприятность. Князь испугался, послал было тотчас же адъютанта своего на курьерских в Тобольск, чтоб остановить свое первое распоряжение, но было уже поздно, адъютант встретил по дороге едущих в Омск Дурова и Достоевского и узнал, что прочие тоже отправлены и что их никак не догонишь. На князя напала страшная трусость, пошли вздохи и жалобы; он только и твердил окружающим его, что вот долголетняя служба его должна пропасть, что он ожидает каждую минуту, что прискачет из Петербурга фельдъегерь, посадит его в сани и увезет за тридевять земель; ничем заниматься не мог, только это в голове у него и было».⁵⁶

К размолвке Фонвизиных с генерал-губернатором привели и чисто семейные обстоятельства. Жена Горчакова, близкая родственница Н.Д. Фонвизиной, находясь фактически в разводе с мужем, покинула Сибирь. Кроме того, Горчаков затеял судебную тяжбу о наследстве с собственными дочерьми, и, естественно, Фонвизины встали на сторону последних. Для большей надежности Горчаков передал дело в тобольский суд, но неправому решению не удалось свершиться из-за принципиальной позиции губернского прокурора Д.И. Францева, близкого знакомого Фонвизиных. Горчаков «бесился неимоверно», вспоминала дочь губернского прокурора.⁵⁷ В итоге Горчаков стал по мелочам преследовать декабристов и членов их семей. Н.Д. Фонвизина писала Я.С. Знаменскому в Ялуторовск, что «князь и его угодники, в чем только можно, в самых безделицах пакостят, особенно мне, а чрез меня не только нашим, но и прокурору».⁵⁸ Однако Фонвизина не отступила и обратилась к графу А.Ф. Орлову, а затем и самому царю. Конечно, столь независимая позиция декабристов и членов их семей, сохранивших столичные связи, не могла не вызывать негодования Горчакова, который считал свою власть в крае безграничной.

55 Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 287–288.

56 Цит. по: Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. Новосибирск, 1985. С. 8.

57 Цит. по: Дум высокое стремление. Иркутск, 1975. С. 304.

58 Литературный сборник. СПб., 1885. С. 234.

ЖАНДАРМЫ И ПАДЕНИЕ КНЯЗЯ ГОРЧАКОВА

Роковую роль в карьере П.Д. Горчакова сыграли жандармы, положение которых в местном управлении, хотя и не была четко определено, однако имело весьма важное значение. В 1833 г. был создан VII (а с 1837 г. – VIII) (Сибирский) жандармский округ с центром в Тобольске, а с 1839 г. – в Омске. В каждой губернии появился жандармский штаб-офицер с довольно широкими полномочиями. Этому способствовало и сосредоточение здесь наиболее опасных противников режима – ссыльных декабристов. Пользуясь своим независимым положением и покровительством всесильного III Отделения, жандармы на первых порах «совали повсюду свой нос» и не останавливались перед критикой сибирских порядков. Критический пафос в настроениях жандармов, отсутствие чиновной угодливости перед местными властями привлекали на их сторону, как это ни выглядит странно, симпатии ссыльных декабристов. Еще одно объяснение столь парадоксальной ситуации кроется в том, что жандармские офицеры так называемого «бенкендорфовского призыва» действительно разительнее отличались в лучшую сторону от большинства погрязших в бюрократической рутине, взятках, коррупции и интригах сибирских чиновников. В надзоре за чиновниками всех рангов III Отделение зашло довольно далеко. В жандармских рапортах «невзирая на лица» давались характеристики не только мелких служащих, но губернаторов и генерал-губернаторов. В результате конфликта с жандармами (на стороне которых оказался и бывший декабрист, исполняющий обязанности тобольского губернатора А.Н. Муравьев) вынужден был оставить в 1834 г. генерал-губернаторский пост в Западной Сибири И.А. Вельяминов. Следующий генерал-губернатор Н.С. Сулима также вынужден был уйти в результате интриг, в которых заметную роль сыграли жандармы.

Горчаков попал в перечень тех, о ком жандармы хотели бы иметь более подробную информацию. В одном из отчетов, поданных шефом жандармов Николаю I о сибирских генерал-губернаторах отмечалось: «Как об одном, так и о другом в течение года были получаемы различные сведения: иные хвалят, другие порицают их действия, но по отдаленности края нет возможности судить о них безошибочно».⁵⁹ В последующие годы этот контроль нарастал, хотя генерал-губернатор и предпринял некоторые превентивные меры, чтобы поставить жандармских чинов под свой надзор.

Однако, в конце 1850 года произошло «что-то таинственное: князь Горчаков заскучал, заскучал, и уехал в Петербург, где он провел несколько месяцев и назад в Омск не вернулся».⁶⁰ Секрет был прост – «cherchez la

59 Нравственно-политический отчет за 1843 год // «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 329.

60 Мартынов. В переломе века. С. 457.

femme», как говорят французы. У генерал-губернатора появилась фаворитка, которая, судя по запискам П.К. Мартьянова, играла такую же роль, «какую Мина исполняла при графе В.Ф. Адлерберге». ⁶¹ Ее влияние было весьма велико: «Это была особа с <...> положением в обществе, которую посещало все местное начальство и знали обыватели не только Омска, но и других городов Западной Сибири. У нее были официальные приемы и домашние обеды, на которых почти каждый день обедало по десяти и более человек, заискивавших с ней для будущего или прибежавших под ее защиту в настоящем. <...> Все наиболее интересные курьезы по внутреннему управлению и столкновения, а также всякие дела, начиная с подрядов и поставок, назначений и перемещений и командировок, и кончая взысканиями, следствием и судом, имели в ней примирительницу и предстательницу, и редко когда ходатайство ее оставалось без последствий». ⁶² 14 октября 1850 г. начальник VIII округа корпуса жандармов генерал-майор К. Влахопулов отправил в Петербург записку с грифом «весьма секретно». Записка имела название «О влиянии жены директора Сибирского кадетского корпуса Шрамм и ее дочери Клейст на управление Сибири». В результате своего шестилетнего наблюдения жандармский генерал пришел к заключению, что Александра Родионовна Шрам, «без всякого преувеличения, мешается во все части управления, <...> по своим видам и всегда достигает своих намерений, даже в отношениях частной жизни, репутация всех основана на ее мнении, и все те, кои не снискали ее внимания, или почему-либо потеряли его, чувствуют это в лице Начальника края...». ⁶³ В другом донесении, на этот раз уже на имя Л.В. Дубельта, Влахопулов прямо утверждал, «что жена генерал-лейтенанта Шрамм находится в nepозволительной связи с г. генерал-губернатором, это положительно верно, почти достоверно и то, что и дочь первой полковница Клейст в одинаковых с матерью отношениях к Его Сиятельству». При этом, понимая, чем может ему грозить гнев со стороны все еще могущественного генерал-губернатора, Влахопулов просил Дубельта сохранить в тайне его донесение, ибо Горчаков и без того «любить меня не может, потому что ненавидит наш корпус».

Вскоре и в Петербурге стали проявлять недовольство бездеятельностью и самодурством генерал-губернатора. Несмотря на строгую секретность всей этой истории, в ноябре 1850 г. М.А. Фонвизин написал своему брату, что «Горчакова отсюда уберут». Слух об этом (не без помощи декабристов) распространился по всем западносибирским городам. Сам Гор-

61 Мина Ивановна (урожденная Вильгельмина Гуде), влиятельная фаворитка министра императорского двора графа В.Ф. Адлерберга, выданная замуж за почтового чиновника Буркова.

62 *Мартьянов*. В переломе века. С. 437.

63 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1, оп. 1, д. 19239, л. 1-2.

чаков предпочитал держаться так, будто ничего не произошло, иногда, впрочем, смущаясь, заявлял: «Меня удивляет, что все это знают, тогда как я ничего не знаю». Еще об одной причине такой перемены к князю в столичных кругах декабрист Бриген писал 10 ноября 1850 г. своему товарищу Е.П. Оболенскому: «Князя ... доехал генерал Барко-Петровский, который отозвался, что Горчаков совершенно расстроил казачье войско».⁶⁴ «Горчаковская сволочь», писал он также, пришла в страшную панику. Не обошлось без курьеза. Так, в июне 1851 г. в одной из волостей Томской губернии появилось пятеро бродяг, один из которых, почти по гоголевскому «Ревизору», выдавал себя за флигель-адъютанта Жемчужникова. Очевидно, об этой же истории писал в «Колоколе» и Г.Н. Потанин, сообщая, что от имени Анненкова самозванцы произвели ревизию дел в судебных учреждениях г. Нарыма и заковали в кандалы чиновников.⁶⁵

Об амурных похождениях «омского паши» было доложено Николаю I, который очень резко отреагировал на них. Генерал-адъютанту Н.Н. Анненкову было высочайше предписано срочно отправиться в Омск с секретным поручением, чтобы «без огласки и под рукою» установить истину в столь щекотливом деле.⁶⁶ В случае подтверждения доноса, Анненков был наделен полномочиями немедленно отрешить генерал-губернатора от должности. Кроме того, генерал-адъютанту было поручено произвести полную ревизию государственных учреждений Западной Сибири, обратив пристальное внимание на положение дел со ссыльными, что особенно беспокоило в тот момент центральные власти.

Генерал-губернатор, узнав о готовящемся визите ревизора сам поспешил в столицу. Сохранилось весьма любопытное для всей этой истории письмо Горчакова к военному министру, которое тот не преминул показать императору. 23 декабря 1850 г., будучи уже в Петербурге, он писал, что опорочена вся его многолетняя добросовестная служба, на него «введена гнусная клевета», ссылаясь на свои «лета» (ему был уже 61 год), в которые «трудно внезапно сделаться чудовищем разврата».⁶⁷ 26 декабря 1850 г. Горчаков подал прошение на высочайшее имя об отставке. Когда генерал-губернатор был уволен, у пострадавших от него людей радости не было предела. Один из чиновников даже вырезал печать, на которой был изображен умирающий тигр, заколотый гусиным пером, с надписью: «1850 год, декабря 29: день отставки князя Горчакова».⁶⁸

64 Бриген. *Указ. соч.* С. 343. О реформах П.Д. Горчакова, которые фактически привели сибирских казаков на положение военных поселян, см.: *Андреев С.М.* Военное и гражданское управление в Сибирском казачьем войске (1808–1919). Омск, 2005. С. 61–68.

65 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 3126, л. 3; Колокол. М., 1962. Вып. III. С. 604.

66 РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 19239, л. 17.

67 Там же, л. 57.

68 *Фонвизин.* Сочинения и письма. С. 353–354.

«Аморальная история» с Горчаковым, очевидно, явилась лишь поводом к его отставке. Существовали более серьезные причины, заставившие петербургские власти обратить пристальное внимание на регион. Менялся общий правительственный курс по отношению к Азиатской России. Об этом, в частности, свидетельствует поручение генерал-адъютанту Н.Н. Анненкову составить «обзор в государственном отношении всех действительных нужд и потребностей края» и последующее учреждение в 1852 г. II Сибирского комитета, где попытались выработать общую программу освоения Сибири.⁶⁹ Примечательно, что многие ссыльные декабристы, будучи знакомы с Анненковым, активно помогали ему составить полное представление о порядках, царивших в крае.

С отставкой Горчакова заканчивался «застойный» период в правительственной политике в отношении Западной Сибири и Степного края. Оживление политической и экономической жизни на сибирской окраине и сопредельных к ней территориях требовало государственных деятелей иного, чем Горчаков, масштаба (в этом отношении Западной Сибири повезло меньше, нежели Восточной, где в эти годы начал свою деятельность один из выдающихся людей своего времени граф Н.Н. Муравьев-Амурский). Оценивая состояние сибирского управления, П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал в мемуарах: «Положение сибирских генерал-губернаторов в половине XIX столетия было, впрочем, нелегкое, и даже того, чтобы сделать что-нибудь действительно полезное для края, нужно было иметь или государственный ум Сперанского, или непреклонную волю Муравьева-Амурского».⁷⁰ Ни того, ни другого у П.Д. Горчакова не оказалось.

Кроме того, в казусе с Горчаковым сфокусировались многие управленческие проблемы, имевшие далеко не частный характер. Они указывают на общую природу проблем институционализации и функционирования генерал-губернаторской власти, механизмы влияния разного рода акторов на нее. Описанные властные коллизии создавали те непростые условия, в которых приходилось действовать генерал-губернатору, которому, находясь вдали от Петербурга, необходимо было постоянно удерживать доверие монарха. Увеличение каналов информации, поступающей из региона в центр, делало невозможным контролировать ее, что и поставило Горчакова в столь уязвимое положение. Генерал-губернатор оказывался в своего рода заколдованном круге. Чтобы подде-

69 Подробнее см.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. Глава II. «В ожидании новой административной реформы Сибири: идеи и проекты второй половины XIX в.». Раздел 1. «II Сибирский комитет и его программа».

70 Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946. С. 46.

рживать доверие монарха необходимо было лично присутствовать при императорском дворе (как поступил сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель в начале XIX в., окончательно перебравшись в Петербург). Однако, длительное отсутствие в Сибири угрожало обвинениями в упущениях в управлении и утратой личной власти в регионе. В центре были озабочены установлением контроля за генерал-губернаторами, но сделать это открыто было невозможно, не уронив их престижа. Тайный жандармский надзор был чреват интригами, а то и просто клеветой, подпитываемая страсть к доносительству. Усиление генерал-губернаторской власти потребовало от самодержавия расширения чрезвычайных мер по организации регионального контроля из центра, участвовавшие ревизии вызывались недоверием к той информации, которая поступала из Сибири по обычным официальным каналам. Это привело к поискам дополнительных методов изучения и исправления положения в управлении сибирским регионом.

В крайнем управлении Российской империи существовало как бы две линии реализации самодержавной власти: территориальная и отраслевая. Имея общую природу властных полномочий, нечетко разделенные прерогативы, возможность напрямую апеллировать к монарху, министры и генерал-губернаторы с большим трудом координировали свои действия. Генерал-губернаторская власть в империи так и осталась с неустойчивым статусом и нечетко определенным кругом полномочий, что в случае конфликта, интриг в регионе или в столице, могло поставить генерал-губернатора в уязвимое положение. Хотя в последующем их положение упрочилось, что было связано не столько с большей правовой определенностью статуса генерал-губернатора, сколько с возобладавшем курсом на параллельное конструирование помимо институциональной системы местного управления, персонифицированной власти генерал-губернаторов и губернаторов, находящейся под особым патронажем монарха. В таких условиях, падение их личного престижа могло угрожать не только управленческому механизму, но и политическим устоям государства.